

С.А. Джанумов

Московский городской педагогический университет (Россия)

НАРОДНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ В ПИСЬМАХ А.С. ПУШКИНА 1828–1831 ГОДОВ

В статье выявляются многочисленные факты обращения к русским народным пословицам и поговоркам в письмах А.С. Пушкина 1828–1831 годов, рассматриваются принципы их использования в эпистолярном наследии поэта, их соотношение с его художественным творчеством. Мы выбрали хронологически определенный период: с 1828 по 1831 год включительно, то есть период, охватывающий жизнь Пушкина в Санкт-Петербурге и Москве, его путешествие в Арзрум в середине 1829 года, знаменитую Болдинскую осень 1830 года, а также первый год его семейной жизни. В статье приводится суждение И.С. Тургенева, который еще в 70-х годах XIX века в предисловии к публикации писем А.С. Пушкина к жене не только объяснил значение этих писем для читателя, но и тонко подметил одну важную и любопытную особенность публикуемых писем: «Пушкин был не только самым талантливым, но и самым русским человеком своего времени; и уже с одной этой точки зрения его письма достойны внимания каждого образованного русского человека; для историка литературы они — сущий клад: нравы, самый быт известной эпохи отразились в них хотя быстрыми, но яркими чертами». Делается вывод о том, что пословицы и поговорки естественно и органично входят в текст писем Пушкина, приводятся в связи с определенной жизненной ситуацией, т. е. именно так, как они бытуют в народе.

Ключевые слова: А.С. Пушкин; пословицы; поговорки; письма; упоминание; творческое использование.

S. Dzhanumov

Folk Proverbs and Sayings in A.S. Pushkin's Letters of the 1828–1831 years

The article deals with numerous instances of referring to Russian proverbs and sayings in letters written by A.S. Pushkin in 1828–1831 and provides further analysis of the principles of their creative usage in the epistolary heritage of the poet in relation to his belles-lettres works. We have chosen chronologically definite period: from 1828 to 1831 inclusive,

that is the period taking in Pushkin's life in Saint Petersburg and Moscow, his journey to Arzrum in the middle of 1829, famous autumn in Boldino in 1830, and also the first year of his family life. In the article the author cites I.S. Tourgenev's opinion. Already in 70-s years of XIX century in his preface to the publication of A.S. Pushkin's letters to his wife, Tourgenev not only explained the significance of these letters for the reader, but also shrewdly noted one important and curious peculiarity of published letters: "Pushkin was not only the most talented, but also the most Russian person of his time; and already from this very point of view his letters are worthy of attention of every educated Russian person; for the historian of literature they are a real treasure; manners, the very life of the definite epoch was reflected in them although in quick, but bright features". It is concluded that proverbs and sayings naturally and organically come into the text of Pushkin's letters, are used in the connection of different life events, closely resembling the way such sayings are traditionally used by Russian people.

Keywords: A.S. Pushkin; proverbs; sayings; letters; mentioning; creative usage.

Данная статья посвящена исследованию проблемы, поставленной в наших предыдущих публикациях: функциям пословиц и поговорок в эпистолярном наследии великого русского поэта [2: с. 135–143; 3: с. 56–64]. Мы выбрали хронологически определенный период: с 1828 по 1831 год включительно, то есть период, охватывающий жизнь Пушкина в Петербурге и Москве, его путешествие в Арзрум в середине 1829 года, знаменитую Болдинскую осень 1830 года, а также первый год его женитьбы. Все эти письма помещены в 14 томе Полного собрания сочинений А.С. Пушкина в 16-ти томах [8: Т. 14: Переписка 1828–1831 годов]. Тексты Пушкина приводятся по этому изданию и, как отмечено в предисловии от редакции, иногда с отступлением от общепринятых орфографических и пунктуационных норм, отражающих «живой язык поэта, с точки зрения его произношения, грамматической и лексической системы» [8: Т. 1, с. XI].

Еще в 70-х годах XIX века в предисловии к публикации писем А.С. Пушкина к жене — «Новые письма А.С. Пушкина. Июль 1830 г. – май 1836 г. От издателя» — И.С. Тургенев не только объяснил значение этих писем для читателя и наметил главные

аспекты изучения эпистолярного наследия поэта в последующие годы, но и тонко подметил одну важную и любопытную особенность публикуемых писем: «Пушкин был не только самым талантливым, но и самым русским человеком своего времени; и уже с одной этой точки зрения его письма достойны внимания каждого образованного русского человека; для историка литературы они — сущий клад: нравы, самый быт известной эпохи отразились в них хотя быстрыми, но яркими чертами» [10: с. 360].

Это суждение Тургенева справедливо не только относительно писем Пушкина к жене. Пушкин был «самым русским человеком своего времени» и в письмах к друзьям, к издателям его произведений, к журналистам. Одна из характерных примет эпистолярного стиля Пушкина — широкое использование в его письмах русских народных пословиц и поговорок, введение просторечной лексики и фразеологии в текст писем. В приложении — сопроводительной статье к книге «А.С. Пушкин. Письма к жене» Я.Л. Левкович, касаясь языка и стиля писем поэта к Наталье Николаевне, в частности, отмечала: «Пушкин любит энергию простонародных выражений» [7: с. 100]. Эта «энергия простонародных выражений» во многом достигалась за счет обильного включения в текст пушкинских писем народных пословиц и поговорок.

Так, в письме к М.П. Погодину от 1 июля 1828 года из Петербурга Пушкин просит его похвалить журнал «Славянин» (издававшийся А.Ф. Воейковым с 1827 по 1830 год) и, подчеркивая свою высокую оценку этого журнала, приводит перефразированную им первую часть довольно редкой трехчастной пословицы: «К стати: похвалите Славянина, он нам нужен, как *навоз нужен пашне*, как свинья нужна кухне, а Шишков русской Академии» [8: Т. 14, с. 22] (здесь и ниже пословицы и поговорки в письмах, статьях и художественных произведениях Пушкина выделены мною курсивом. — С.Д.) (ср. у И.М. Снегирева: «Земля любит навоз, лошадь овес, а воевода приносит» [9: с. 118]). У Пушкина, как видим, «земля» заменена на «пашню», что не меняет смысла первой части приведенной пословицы, а далее автор письма, сохраняя триединую композицию изречения, дает свое оригинальное продолжение. Упоминание имени А.С. Шишкова

в этой триаде неслучайно. Пушкин и потом не раз связывал имя адмирала и литератора А.С. Шишкова с Российской Академией, поскольку Шишков еще в 1796 году был избран ее членом, а в 1813–1841 годах, т. е. более четверти века, был ее президентом. Об этом Пушкин упоминает в статье «Российская Академия» (1836) [8: Т. 12, с. 43–44], а также в других статьях и письмах.

Сразу две поговорки встречаются в письме Пушкина к П.А. Вяземскому (около 25 января 1829 года. Петербург). Сначала Пушкин с явным неодобрением отзывается о петербургских раутах: «Я в П.<етер>Б.<урге> с неделю, не больше. Нашел здесь всё общество в волнении удивительном. *Веселятся до упаду* и в стойку, т. е. на раутах, которые входят здесь в большую моду. Давно бы нам догадаться: мы сотворены для раутов, ибо в них не нужно ни ума, ни веселости, ни общего разговора, ни политики, ни литературы» [8: Т. 14, с. 38]. Пушкин и позже, в письме к жене от 25 сентября 1832 года из Москвы, использовал эту поговорку и так писал о своем друге П.В. Нащокине: «Каков отшельник? он *смешит* меня *до упаду...*» [8: Т. 15, с. 31].

Другая поговорка, приведенная в том же письме к П.А. Вяземскому, — «Дай Бог... ни дна, ни покрывшки». Обычно это выражение используется в связи с пожеланием кому-нибудь неудачи, неприятностей, а иносказательно — в значении быть похороненным (или предстать на том свете перед Богом) без гроба. Вспоминая о своей недавней поездке в Москву и о литературно-музыкальном салоне княгини З.А. Волконской, поэт, против своего обыкновения, не восхищается многочисленными талантами этой незаурядной женщины, а отзывается о ней (возможно из-за какой-то размолвки) с явным неодобрением: «...отдыхаю (в Петербурге. — *С.Д.*) от проклятых обедов Зинаиды. (*Дай бог ей ни дна ни покрывшки*; т. е. ни Италии, ни графа Риччи!)» [8: Т. 14, с. 38]. З.А. Волконская вскоре собиралась перебраться, как бы сейчас сказали, «на постоянное место жительства» в Италию, куда и уехала в конце февраля 1829 года; граф Миньято Риччи — поэт, переводчик, композитор, певец-любитель, с которым Пушкин встречался в салоне З.А. Волконской. Осенью 1828 года Риччи разошелся с женой (Екатериной Петровной, урожденной Луниной) и уехал в Италию.

Еще раз Пушкин вспомнит эту поговорку в письме к жене от 21 сентября 1833 года из Болдина. Раздосадованный ухаживаниями подпоручика Н.А. Огарева за Натальей Николаевной (о чем она, вероятно, писала мужу в не дошедшем до нас письме), поэт иронически замечает: «Видно Огорев охотник до Пушкиных, дай бог ему ни дна ни покрываши!» [8: Т. 15, с. 87].

Иногда посредством пословицы Пушкин выражал свое отношение к тому или иному литературному произведению. Так, в письме к П.А. Вяземскому (от конца января 1830 года из Петербурга), который невысоко оценивал роман М.Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829), Пушкин возражает своему другу и просит его более снисходительно отнестись к этому произведению, используя в качестве аргумента известную пословицу: «Ты бранишь Милославского, я его похвалил. *Где гроза, тут и милость*» [8: Т. 14, с. 61] (ср. у В.И. Даля: «Где гнев, там и милость» [6: с. 129, 214]). Близкие по смыслу народные изречения мы находим в «Капитанской дочке» Пушкина, где их произносит Пугачев, обращаясь к Гриневу: «*Казнить так казнить, миловать так миловать*. Ступай себе на все четыре стороны и делай, чего хочешь» [8: Т. 8, с. 333]; «*Казнить так казнить, жаловать так жаловать*: таков мой обычай. Возьми себе свою красавицу; вези ее, куда хочешь...» [8: Т. 8, с. 356].

В известном и часто цитируемом письме к П.А. Плетневу от 31 августа 1830 года из Москвы (накануне отъезда в Болдино), где Пушкин говорит об осени как о любимом времени года, в том числе и для «литературных трудов», он вместе с тем делится с другом своими невзгодами: размолвками с будущей тещей — Натальей Ивановной Гончаровой, почти расстроеной свадьбой. А в конце письма, чтобы показать, что он примирился с судьбой, приводит пословицу: «*От добра добра не ищут*. Чорт меня догадал бредить о счастья, как будто я для него создан» [8: Т. 14, с. 110]. Еще раз эту же пословицу поэт вспомнит в письме к жене от 20 и 22 апреля 1834 года из Петербурга: «Видел я трех царей (имеются в виду Павел I, Александр I и Николай I. — С.Д.): первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость

лет, но променять его на четвертого не желаю; *от добра добра не ищут*» [8: Т. 15, с. 129–130] (ср. у И.М. Снегирева: «От корма кони не рыщут; от доброго добра не рыщут» [9: с. 208]).

Почти через месяц в другом письме к тому же адресату — П.А. Плетневу — уже из Болдина (от 29 сентября 1830 года) Пушкин, опять-таки негодуя на свою будущую тещу, которая заводила с ним «глупые ссоры», к месту приводит подходящую по смыслу поговорку: «...а она (Н.И. Гончарова. — *С.Д.*), как *баба*, у которой *долг лишь волос*, меня не понимала да хлопотала о приданом, чорт его побери» [8: Т. 14, с. 113]. Пушкин, которого бесили эти размолвки и ссоры, опускает вторую часть поговорки, несомненно, хорошо известной Плетневу, как всякому русскому человеку (ср. у И.М. Снегирева: «У бабы волос долг, да ум короток» [9: с. 257]).

В письме (на французском языке) к Н.Н. Гончаровой (от 11 октября 1830 года из Болдина), еще как невесте, в конце послания Пушкин вдруг переходит на русский язык и в одной фразе употребляет сразу две поговорки: «Дело в том, что *для друга семь верст не крюк*; а ехать прямо на Москву значит *семь верст киселя есть...*» [8: Т. 14, с. 116] (ср. у И.М. Снегирева: «Для друга и семь верст не околица»; «Семь верст, киселя есть» [9: с. 92, 235]).

Можно только догадываться, почему в этом месте письма Пушкин переходит с французского языка на русский: по-видимому, он считал, что невозможно адекватно передать колорит и смысл русских поговорок на иностранном языке. Да и высказать свое горячее желание во что бы то ни стало увидеть невесту и свою досаду из-за невозможности пробиться к ней через многочисленные карантинные заставы, выставленные на дороге из Болдина в Москву из-за холеры, поэту, конечно, сподручнее было на родном языке.

В самом начале письма к П.А. Плетневу из Болдина, датированном приблизительно 29 октября 1830 года, Пушкин, сетуя на то, что он не может прорваться через карантинные заставы в Москву, вспоминает сразу две поговорки. Одну из них он приводит в усеченной форме, а другую — полностью: «Я сунулся было в Москву, да узнав, что туда никого не пускают, воротился в Болдино да *жду погоды*. Ну уж погода! Знаю, что *не так страшен чорт как его малюют*; знаю, что холера

не опаснее турецкой перестрелки — да отдаленность, да неизвестность — вот что мучительно» [8: Т. 14, с. 117].

Первую из приведенных пословиц (ср. у И.М. Снегирева: «Сиди у моря, да жди погоды!» [9: с. 236]) поэт не раз использовал и в своих художественных произведениях, и в письмах, как в полной, так и в усеченной форме (то есть, без первой ее части): в несколько измененном, перефразированном виде — в первой главе «Евгения Онегина»:

Придет ли час моей свободы?
 Пора, пора! — взываю к ней;
Брожу над морем, жду погоды,
 Маню ветрила кораблей [8: Т. 6, с. 25–26];

в письме к Н.И. Гнедичу (23 февраля 1825 года. Михайловское): «Много у меня начато, ничего не кончено. *Сижу у моря, жду перемены погоды*» [8: Т. 13, с. 145]; в письме к В.А. Жуковскому (6 октября 1825 года. Тригорское): «Милый мой, *посидим у моря, подождем погоды*; я не умру; это невозможно; Бог не захочет, чтобы Гудунов¹ со мною уничтожился» [8: Т. 13, с. 237]; в приписке письма к А.А. Дельвигу (4 ноября 1830 года. Болдино): «Я живу в деревне как в острове, окруженный карантинами. *Жду погоды*, чтоб жениться и добраться до П.<етер>Б.<урга> — но я об этом не смею еще и думать» [8: Т. 14, с. 121].

Другая из приведенных в начале письма к П.А. Плетневу пословиц — «<...> *не так страшен черт як его малюют*» (ср. у В.И. Даля: «Не поддавайся черту, так ему и власти нет над тобой!»; «Страшен сон (черт), да милостив Бог» [6: с. 45, 269]) — встречается в творчестве Пушкина только один раз: именно в данном письме. Показательно, что Пушкин как бы расшифровывает приведенную пословицу, дает ей свое толкование. Сравнение черта с холерой, а холеры, в свою очередь, с «турецкой перестрелкой» вполне оправданно в письме, так как поэт смотрел на холеру как на своего врага, поскольку карантинны не позволяли ему вырваться из Болдина в Москву, к своей невесте, а что такое «турецкая перестрелка», то есть сражение с турками, поэт знал не понаслышке и описал в «Путешествии в Арзрум

¹ Так у А.С. Пушкина.

во время похода 1829 года» в главе третьей, один из подзаголовков которой так и называется: «Перестрелка».

Еще одна колоритная русская пословица (и опять-таки в связи с холерой и карантинами) приводится в перефразированной форме в письме Пушкина к М.П. Погодину (начало ноября 1830 года. Болдино): «<...> срок [день<гам>] моему долгу в следующем месяце, но я не смею надеяться заплатить Вам: *не я лгу, и не мошна лжет* — лжет холера и прилыгают 5 карантинных нас разделяющих» [8: Т. 14, с. 122] (ср. у В.И. Даля: «Не я лгу, мошна лжет»; «Не душа вертится, мошна» [6: с. 99]). Эта же пословица будет использована в письме поэта к своей жене из Петербурга, датированном примерно 26 июля 1834 года: «Пожалуй-ста не сердись на меня за то, что я медлю к тебе явиться. Право, *душа просит; да мошна не велит*» [8: Т. 15, с. 182].

В письме к П.А. Вяземскому от 5 ноября 1830 года из Болдина встречается сразу несколько пословиц и поговорок: «Ты говоришь: худая вышла нам очередь. <...> Поделом, если останемся *голы как бубны*» [8: Т. 14, с. 122]. Как известно, бубен — ударный музыкальный инструмент, состоящий из обруча с натянутой на нем кожей и прикрепленных к нему металлических колокольчиков и бубенчиков. Но в переносном значении, особенно в просторечии, бубен — человек, всё промотавший. Отсюда и пословица: «Гол, как бубен, как сосенка, как перст» [6: с. 89].

Далее, касаясь журнальной полемики и жалея, что в Болдине нет журналов, Пушкин пишет: «Но досадно, что не получал журналов. Я был в духе ругаться, и отделал бы их на их же манер. В полемике, мы скажем с тобою, и нашего тут *капля меду есть*» [8: Т. 14, с. 122] (ср. у М.И. Михельсона: «Капля меду, ложка дегтю: все испортит» [5: Т. I, с. 390]; в сборнике И.М. Снегирева эта пословица приведена в другом варианте: «Бочка меду, да капля дегтя» [9: с. 53]). В использованном Пушкиным варианте данная пословица ранее встречается и в басне И.А. Крылова «Орел и Пчела» (1813): «<...> Но утешаюсь тем, на наши смотря соты, // Что в них и моего хоть капля меду есть» [4: с. 73].

По-видимому, употребляя эту народную пословицу в своем письме, Пушкин имел в виду то, что они с П.А. Вяземским и

А.А. Дельвигом выступили единым фронтом против Ф.В. Булгарина и Н.А. Полевого. Как отмечал Д.Д. Благой в своей монографии, «в Болдино Пушкин уехал в самый разгар полемики о «литературной аристократии», в которой он принимал такое непосредственное и страстное участие» [1: с. 548].

Свидетельством этого активного участия Пушкина в литературной полемике явились его статьи и заметки «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений», «Опровержения на критики и замечания на собственные сочинения», написанные в Болдине, а также письма к П.А. Плетневу и к А.А. Дельвигу из Болдина от конца октября и начала ноября 1830 года. В первом из указанных писем Пушкин, оторванный в своей глуши от литературных баталий, с нетерпением спрашивает своего корреспондента: «Журналов ваших я не читаю; кто кого? Скажи Дельвигу, чтоб он крепился; что я к нему явлюсь непременно на подмогу, зимой, коли здесь не окалею» [8: Т. 14, с. 118]. А в письме к своему другу и издателю «Литературной газеты» и альманаха «Северные цветы» А.А. Дельвигу Пушкин не без иронии замечает: «Я, душа моя, написал пропасть полемических статей, но не получая журналов, отстал от века и не знаю в чем дело — и кого надлежит душить, Полевого или Булгарина» [8: Т. 14, с. 121].

Так что пословица о капле меда в письме к П.А. Вяземскому не случайна и имеет вполне определенный смысл: в «ложке (или бочке) дегтя» (статьи Ф.В. Булгарина, Н.И. Греча, Н.А. Полевого) есть «капля меду» (статьи, эпиграммы и вообще вся литературная деятельность самого А.С. Пушкина, П.А. Вяземского и А.А. Дельвига).

С помощью народной мудрости Пушкин кратко, образно и емко отображает свою роль и роль своих друзей и единомышленников в литературной полемике. Он, как всегда, скромно в оценке своего участия в литературной борьбе с Ф.В. Булгариным. Если в полной мере и по справедливости оценить степень его вовлеченности в эту борьбу и значение его критической деятельности в сравнении со статьями литераторов болгаринского круга, то, скорее, здесь будет уместнее вспомнить приведенный выше вариант пословицы из сборника И.М. Снегирева: «Бочка меду, да капля дегтя».

В том же письме к П.А. Вяземскому от 5 ноября 1830 года встречаются еще две пословицы, которые следуют одна за другой. Обрадованный известием, что Вяземский начал работу над давно задуманной биографией Д.И. Фонвизина (монография «Фон-Визин. Сочинение князя Вяземского» выйдет в свет через 11 лет после смерти Пушкина — в 1848 году), Пушкин пишет: «Радуюсь, что ты принялся за Ф.<он>Визина. Что ты ни скажешь о нем, или к стати о нем, всё будет хорошо, потому что будет сказано. Об Истине (т. е. о точности применения истины) нечего тебе заботиться: *пуля виноватого сыщет*. Все твои литературные обозрения полны этих *пуль-дур*» [8: Т. 14, с. 122].

Варианты приведенных Пушкиным в письме пословиц можно найти в сборниках И.М. Снегирева и В.И. Даля: «Пуля дура, штык молодец», «Пуля найдет виноватого» [9: с. 225]; «Пуля дура, штык молодец», «Пуля дура, где ударит — дыра»; «Пуля дура, а виноватого найдет» [6: с. 259]. Как видим, пословицу «Пуля виноватого сыщет» Пушкин приводит полностью и в соответствии с ее точным употреблением в народе, а вторую «Пуля дура, штык молодец» перефразирует, видоизменяет, опуская ее вторую часть и применяя первую к статьям и литературным обозрениям П.А. Вяземского.

В часто цитируемом письме к П.А. Плетневу (9 декабря 1830 года. Москва), где Пушкин подводит итог тому, что создано им в Болдинскую осень 1830 года, он использует поговорку: «Пришли мне денег сколько можно более. Здесь ломбард закрыт и я *на мели*» [8: Т. 14, с. 133]. Как известно, поэт, живший в основном за счет своих не очень больших литературных гонораров, постоянно испытывал нужду в деньгах. Пушкин и ранее употреблял эту полюбившуюся ему поговорку, и, как правило, в связи со своими материальными заботами и затруднениями. Так, в конце письма к своему приятелю И.А. Яковлеву (вторая половина марта – апрель 1829 года (?) Москва) поэт сообщает ему: «В конце мая и в начале июня денег у меня будет кучка, но покамест я *на мели* и карабкаюсь» [8: Т. 14, с. 44]. А почти через два года, уже будучи женатым человеком, в письме к П.А. Плет-

неву от 11 июля 1831 года из Царского Села, Пушкин приводит данную поговорку в другом контексте и просит своего друга прислать что-нибудь для альманаха «Северные цветы на 1832 год» «в пользу братьев Дельвига»: «Во всяком случае проза нужна; коли ты ничего не дашь, так она *сядет на мель*» [8: Т. 14, с. 189]. И, наконец, в письме к жене от 8 октября 1833 года из Болдина Пушкин опять-таки вспоминает эту поговорку в уже обычном ее значении и смысле: «<...> я приеду к тебе, ничего не успев написать — и без денег *сядем на мель*» [8: Т. 15, с. 85] (ср. у В.И. Даля: «Сидеть на экваторе (флотск., быть без гроша; широта 0)» [6: с. 89]; у М.И. Михельсона: «На мели (иноск.) — без денег» [5: Т. 1, с. 354]).

Еще одну известную поговорку Пушкин искусно обыгрывает в письме к П.А. Вяземскому от 2 января 1831 года из Москвы, где он предлагает последнему передать свое стихотворение «Ухабы. Обозы» (1828) (в письме Пушкин называет стихотворение Вяземского со строчной буквы просто «обозы») П.Л. Яковлеву (брату лицейского товарища Пушкина М.Л. Яковлева) в задуманный им альманах «Блин» (издан так и не был): «Яковлев издает к масленицы (так у Пушкина. — С.Д.) альманах *Блин* (курсив Пушкина. — С.Д.). Жаль, если *первый блин* его будет *комом*. Не отдашь ли ему обозы?» [8: Т. 14, с. 139] (ср. у И.М. Снегирева: «Первой блин, да комом» [9: с. 211]).

В письме к своему хорошему знакомому Н.И. Кривцову от 10 февраля 1831 года из Москвы Пушкин вспоминает часто употребляющуюся в разговорной речи народную поговорку: «<...> Бог ведает, когда и где судьба сведет нас опять. Мы не так-то *легки на подъем*. Ты без ноги (Кривцов лишился ноги в 1813 году в сражении под Кульмом. — С.Д.), а я женат» [8: Т. 14, с. 150] (ср. у М.И. Михельсона: «Легок. (Легка) на подъем» [5: Т. 1, с. 505]).

Чтобы в двух словах рассказать П.А. Плетневу о том, как он пытался накануне свадьбы уладить денежные недоразумения со своей тещей Н.И. Гончаровой, Пушкин в самом начале письма к своему другу от 16 февраля 1831 года из Москвы использует народную поговорку о невозвратной потере: «Через несколько дней я женюсь: я представляю тебе хозяйственный отчет:

<...> 11,000 теще, которая непременно хотела, чтоб дочь ее была с приданым — *пиши пропало*» [8: Т. 14, с. 152] (ср. у В.И. Даля: «Игла в стог упала, пиши пропала», «Ищи в шерсти, пиши пропала» [6: с. 576]). В перефразированной форме эта пословица встречается в повести Пушкина «Станционный смотритель» (1830), где Самсон Вырин униженно просит Минского: «Ваше высокоблагородие! — продолжал старик, — что с возу упало, то пропало; отдайте мне, по крайней мере, бедную мою Дуню» [8: Т. 8, с. 103].

В письме к П.А. Вяземскому от 3 сентября 1831 года из Царского Села, как бы в ответ на пространные суждения своего друга о русских пословицах и поговорках, Пушкин не просто употребляет довольно редкую народную пословицу, но и по своему комментирует ее: «Твое рассуждение о пословице русской не пропадет. К числу благороднейших принадлежит и сия: *за тычком не угонишься* (курсив мой. — С.Д.), т. е. не хлопочи о полученном тычке» [8: Т. 14, с. 221] (ср. у В.И. Даля: «Не за всяким тычком гонись» [6: с. 263]).

И, наконец, в письме к поэту и публицисту Ф.Н. Глинке от 21 ноября 1831 года из Петербурга, говоря о своем уважении к нему, к его «прекрасному таланту» и прося прислать стихи в «Северные цветы», издаваемые в память А.А. Дельвига, Пушкин перефразирует известную пословицу: «Мне говорят, будто Вы на меня сердиты; это еще не резон: сердце сердцем, а *дружба дружбой* (курсив мой. — С.Д.)» [8: Т. 14, с. 241] (ср. вариант этой пословицы у И.М. Снегирева: «Дружба дружбой, а служба службой» [9: с. 99]).

Рассмотренные в статье письма Пушкина, в которых то и дело встречаются пословицы и поговорки, представляют значительный интерес, так как помогают понять особенности эпистолярного стиля поэта, его восприимчивость к малым жанрам фольклора, творческое использование афористического фольклора в его произведениях. Очень важно осмыслить, в каком контексте употребляются те или иные народные изречения, в связи с какой конкретной жизненной ситуацией и почему они так естественно и органично входят в текст писем Пушкина. Пушкин нередко доверяет пословицам и поговоркам функцию морали (но не морализирования), житейской мудрости,

применяет в качестве своеобразного непогрешимого нравственного критерия в оценке тех или иных людей и событий.

Литература

1. *Благой Д.Д.* Творческий путь Пушкина (1826–1830). М.: Советский писатель, 1967. 724 с.
2. *Джанумов С.А.* Народные пословицы и поговорки в письмах А.С. Пушкина 1821–1827 годов // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. Вып. VIII. Вильнюс: Edukologija, 2013. С. 135–143.
3. *Джанумов С.А.* Народные пословицы и поговорки в письмах А.С. Пушкина к жене // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2013. № 4. С. 56–64.
4. *Крылов И.А.* Соч.: в 2 т. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Н.Л. Степанова. Т. 1. М.: Правда, 1956. 475 с.
5. *Михельсон М.И.* Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: сб. образных слов и иносказаний: в 2 т. М.: ТЕРРА, 1994. Т. 1. 781 с.; Т. 2. 832 с.
6. Пословицы русского народа. Сб. В. Даля. М.: ГИХЛ, 1957. 991 с.
7. *Пушкин А.С.* Письма к жене / Изд. подгот. Я.Л. Левкович. Л.: Наука, 1987. 260 с.
8. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 16 т. [Б.м.]: Изд-во АН СССР, 1937–1949.
9. *Снегирев И.М.* Русские народные пословицы и притчи / Изд. подгот. Е.А. Костюхин. М.: Индрик, 1999. 624 с.
10. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т.; Соч.: в 12 т. Т. 10. М.: Наука, 1982. 607 с.

References

1. *Blagoj D.D.* Tvorcheskij put' Pushkina (1826–1830). M.: Sovetskij pisatel', 1967. 724 s.
2. *Dzhanumov S.A.* Narodny'e posloviczy' i pogovorki v pis'max A.S. Pushkina 1821–1827 godov // Rusistika i komparativistika: sb. nauch. st. Vy'p. VIII. Vil'nyus: Edukologiya, 2013. S. 135–143.
3. *Dzhanumov S.A.* Narodny'e posloviczy' i pogovorki v pis'max A.S. Pushkina k zhene // Vestnik MGOU. Seriya «Russkaya filologiya». 2013. № 4. S. 56–64.
4. *Kry'lov I.A.* Soch.: v 2 t. / Vstup. st., podgot. teksta i primech. N.L. Stepanova. T. 1. M.: Pravda, 1956. 475 s.

5. *Mixel'son M.I.* Russkaya my'sl' i rech': Svoe i chuzhoe: Opy't russkoj frazeologii: sb. obrazny'x slov i inoskazanij: v 2 t. M.: TERRA, 1994. T. 1. 781 s.; T. 2. 832 s.
6. Posloviczy' russkogo naroda. Sb. V. Dalya. M.: GIXL, 1957. 991 s.
7. *Pushkin A.S.* Pis'ma k zhene / Izd. podgot. Ya.L. Levkovich. L.: Nauka, 1987. 260 s.
8. *Pushkin A.S.* Poln. sobr. soch.: v 16 t. [B. m.]: Izd-vo AN SSSR, 1937–1949.
9. *Snegirev I.M.* Russkie narodny'e posloviczy' i pritchi / Izd. podgot. E.A. Kostyuxin. M.: Indrik, 1999. 624 s.
10. *Turgenev I.S.* Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t.; Soch.: v 12 t. T. 10. M.: Nauka, 1982. 607 s.